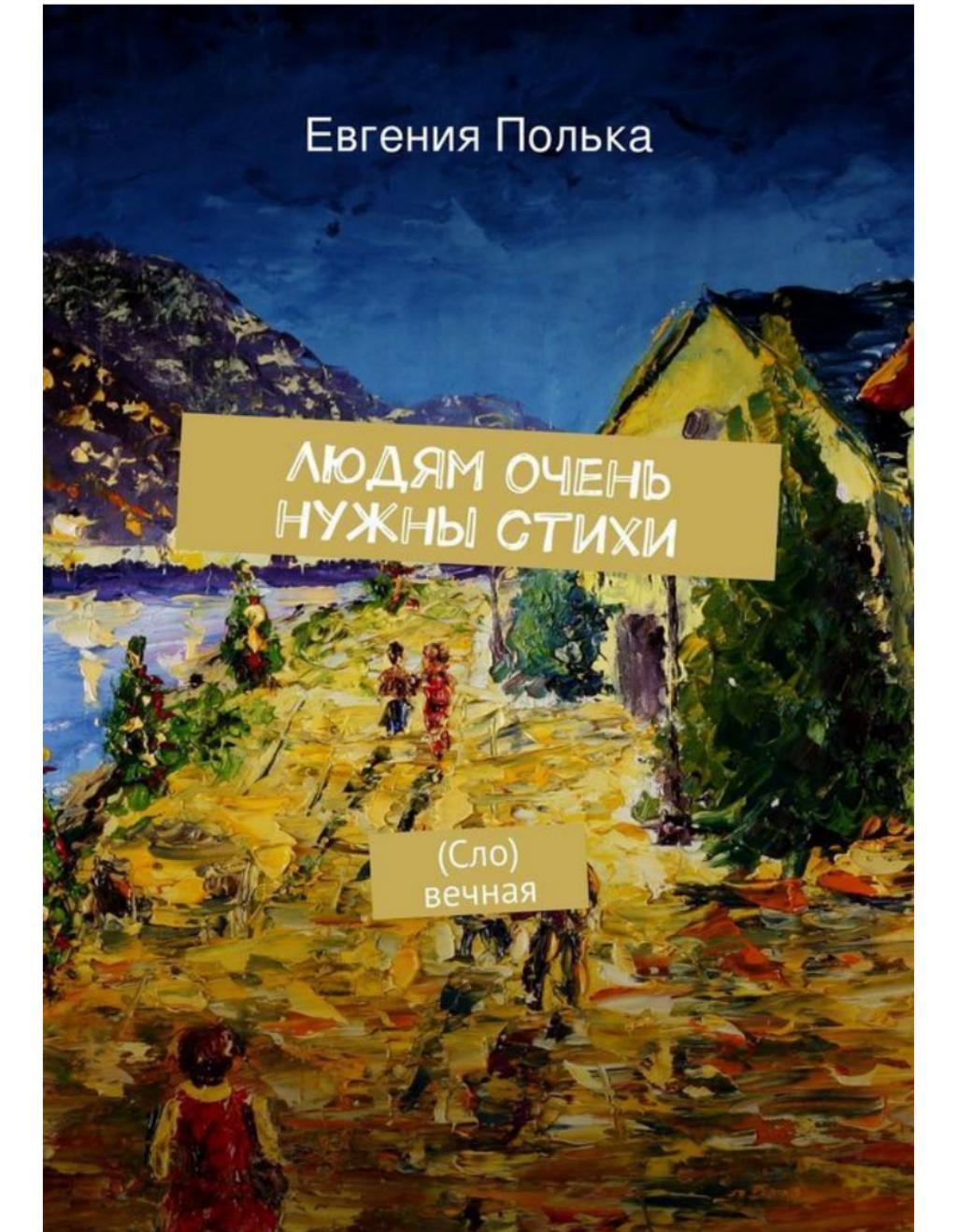


Евгения Полька

An impressionistic painting of a sunlit path. In the center, two figures walk away from the viewer. One figure is wearing a red dress and a hat, and the other is wearing a blue dress. The path is lined with trees and flowers. In the background, there are houses with colorful roofs and mountains under a blue sky.

ЛЮДЯМ ОЧЕНЬ  
НУЖНЫ СТИХИ

(Сло)  
вечная

# **Евгения Полька**

# **Людям очень нужны стихи**

*http://www.litres.ru/pages/biblio\_book/?art=12261031*  
*ISBN 9785447431808*

## **Аннотация**

Слишком много носителей информации: флешки, диски, жесткие диски. Объемы больше, цифры точнее. И только один носитель чувств: стихи. О стихах, о чувствах, о людях. Письма в Сибирь и в небо. Совершенно обычное собрание стихов от ничем не примечательного поэта. А не вспомнят, так им же хуже: мы бы стали смешной легендой (с).

# Содержание

О стихах	5
«Людям очень нужны стихи, —...»	5
«Одни говорят: будь проще. Другие – пиши сложнее...»	7
Маэстро	9
Муза	10
О чувствах	13
«Привет тебе, тот, кто его никогда не прочтет...»	13
«И если я постарею телом...»	15
«Я смотрю в отраженье этих зеленых глаз...»	16
«Расскажи мне о тех местах, где блуждают цветные тени...»	17
Мне бы...	19
Рогоза	20
«Ты смотришь на мир совершенно иначе...»	22
Я постараюсь медленно	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

# **Людям очень нужны стихи**

## **(Сло) вечная**

# **Евгения Полька**

© Евгения Полька, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе  
Ridero.ru

# О стихах

## «Людям очень нужны стихи, —...»

«Людям очень нужны стихи, —  
Старый Бог говорил у пристани. —  
Оттого ль Вавилон погиб,  
Оттого ль древний Рим не выстоял?

А я клялся им, говорил,  
Что в стихах и любовь, и искренность.  
Оттого ль прекратился мир?  
Оттого ли Гаврило выстрелил?

И когда не хватало сил:  
Ни любви, ни добра, ни Бога,  
Я прислушаться их просил.  
Я им Пушкина слал пророком.

И, закончив едва с игрушками,  
В истоках своих путей,  
Не люди учили Пушкина.  
А Пушкин учил людей.

Людям очень нужны стихи.

Больше хлеба, вина и имиджа.  
Под давленьем любых стихий  
Можно телом упасть, но выдержать.

Когда время ломает правила,  
Люди жаждут духовной помощи.  
Маяковский – исчадие дьявола.  
Только промысел все же Божий он.

И порой нет совсем толку  
Ни в кресте, ни в моем имени.  
Но зато помогал Теркин.  
И учил очень ждать Симонов.

А когда мир тонул в лихих,  
Цой им раны прикрыл ладонями.  
Людям очень нужны стихи.  
Очень жаль, что они не поняли».

# **«Одни говорят: будь проще. Другие – пиши сложнее...»**

Одни говорят: будь проще. Другие – пиши сложнее.  
Одни говорят: короче. Другим – лишь бы подлиннее.  
А мне бы писать и только. Ловить из вселенной нити.  
Творить, обращаясь в Польку. И коль что не так,  
простите.

Простите, что где-то зыбко. А где-то метафор мало.  
Что стих не родил улыбку, сердца не сковал металлом.  
Что где-то ушло от темы. А где-то не вышло ритма.  
Что где-то уж слишком смело и тянется, как молитва.

Простите, хотите коли. А коль не хотите – просто  
Идите в другое поле. Поверьте, там чище воздух!  
Там бабочки да деревья. Там люди и их улыбки.  
А я убиваю время: в цитаты ловлю ошибки.

А я нахожусь в покое меж трех и шести по утру.  
Воюю сама с собою – проигрывая как будто.  
В ловушке своих аллюзий свое обретаю место.  
Сгораю в огне иллюзий. Бросаюсь с разбегу в бездну.

Я не нахожу покою с шести и до трех по ночи.  
За маской своих героев, лицо раздирая в клочья,

Теряю себя как личность, в своем растворяясь вечном.

А я не могу публично! А я не толкаю речи.

Я не призываю к битвам. И не создаю каноны.

Не режу сознанье бритвой. В стихах не творю иконы.

Живу – как умею – просто. Не жду ни похвал, ни жестов.  
И как выдыхают воздух, порой выдыхаю тексты.

# Маэстро

Маэстро, хотите чаю? Пирог со слоеным тестом?  
А коли судить по чести, то вот она, суть вещей.  
Маэстро, я выживаю. Под этим гранитным прессом  
Мне все еще интересно по маскам читать людей.

Пусть руки мои неточно рояльную гладь лелеют  
И в профиль я будто тлею, хотя и горю в анфас.  
Пусть давят на позвоночник привычные «не умею».  
Но в сердце моем теплее, когда я играю вальс.

А вы отточили навык, как точат ножи убийцы.  
И тянется вереница знакомых до боли нот.  
Средь всех этих серых галок вы светите. Вы – жар-птица.  
Для вас небеса – граница. Но вам не знаком полет.

Маэстро, хотите чаю? Пирог со слоеным тестом?  
И коль говорить по чести, то вот вам прямой ответ.  
Маэстро, я выживаю. Под этим гранитным прессом  
Мне все еще интересно. А вам, к сожалению, нет.

# Муза

Я пыталась поймать руками —  
утекала водой сквозь пальцы.  
Я на сладкое зазывала —  
не желала со мной остаться.

Я кричала, что буду строгой, —  
убегала, поджавши хвостик.  
Притворилась бы недотрой.  
Да вот только, наверно, поздно...

Мол, другие теперь милее.  
«Там теплее и нет скандалов.  
В старых замках летают феи,  
веет ветер в старинных залах.

Там в межзвездных мирах герои  
рвутся в бой и рисуют жизнью.  
Ну а ты тут сама с собою.  
Все шумишь в бытовухе мышью...»

И какое ей, верно, дело,  
этой рыжей и бессердечной,  
Что я ночь без нее ревела,

обнимая себя за плечи.  
Было страшно одной остаться  
и представить себя без музы.

\*\*\*

Утекала водой сквозь пальцы,  
растворялась в потоке музык.

\*\*\*

А однажды вернулась пьяной,  
на диване уселась с краю,  
Начинала слегка жеманно.  
И ревела, и хохотала.  
«Я пустилась, – твердит, – по свету,  
только крылья взяла и узел.  
В мире много других поэтов.  
И у каждого есть по музе.

У кого-то их гости редки,  
кто-то спит с ними, как с шалавой.  
Кто-то держит в железной клетке  
(и таких, черт возьми, немало!).  
Кто-то ловит у конкурентов,  
кто-то продал на барахолке.  
Кто-то выменял на агентов,

чтоб поставить себя на полки.

В мире много других поэтов,  
и добрее, и много лучше.  
Но с тобою атласной лентой  
повязал нас навеки случай.  
Мы не лучшая, знать, команда.  
Но другой породнил нас фактор.  
Мы воюем пером за правду:  
стерва-муза и мямяля-автор.

Штрих по вечности будет тонким,  
но останется острым следом.  
И, возможно, среди потомков  
вспомнят музу с ее поэтом.  
Повязали навеки души  
белоснежной атласной лентой.

А не вспомнят – так им же хуже.  
Мы бы стали смешной легендой».

# **О чувствах**

## **«Привет тебе, тот, кто его никогда не прочтет...»**

Привет тебе, тот, кто его никогда не прочтет.

Пишу тебе это письмо пересохшей гуашью.  
Рисую в нем реки, леса, голубой небосвод,  
И пашню... представь, бесконечную желтую пашню.

В ее лабиринтах высокой и высохшой ржи  
Мы ищем друг друга, должно быть, шестое столетье.  
Шестое столетье, где нет ни единой души.  
Лишь ветер... представь, бесконечно гуляющий ветер.

Ты слышишь: мы слушаем пение крошечных птиц  
И любим друг друга, забыв о прошедшем и прочем.

Ты помнишь росу на изгибах мохнатых ресниц?  
А ночи... ты помнишь? Бескрайние темные ночи.

Пишу тебе, тот, кто его никогда не прочтет.  
Слезами мочу поврежденные временем краски.

Рисую в нем реки, леса, голубой небосвод,  
Напрасно.

Представь, совершенно, до боли  
напрасно.

# «И если я постарею телом...»

И если я постарею телом,  
Люби меня до скончания дней.  
Порой неловкой, порой несмелой.  
Такой же точно. Иной – не смей.

И если я не смогу подняться,  
Гуляй по паркам за нас двоих:  
Снимай с цветов потускневший глянец,  
Носи мне маки. Всегда носи.

Носи мне чай на цветастом блюдце,  
Тверди об этих прекрасных днях.

И если я не смогу проснуться,  
Навек меня сохрани во снах.

Когда морщины разрежут кожу,  
Когда покроет глаза туман.  
Люби нарочно, люби такой же,  
Люби всецело.  
И я воздам.

# **«Я смотрю в отраженье этих зеленых глаз...»**

Я смотрю в отраженье этих зеленых глаз  
И не вижу там Землю, пробки, парад машин.

Там лишь чистое небо, космос и ренессанс.  
Там старинные замки смотрят на нас с вершин.  
Там старинные духи пляшут под «Роллинг Стоунз»,  
А потом переходят плавно на «Твист энд Шат».

Там весь мир необычный, красочный и простой.  
Там легко веселиться, плакаться  
и прощать.

Там есть я, разодетая в платье из тополей.  
И есть он, догорающий в небе большой свечой.  
И когда он себя потеряет в святом огне,  
То воротится птицею феникс на плечо.

Я смотрю в отраженье этих зеленых глаз  
И читаю в них целый новый волшебный мир.  
Там есть чистое небо, космос и ренессанс.  
И есть я,  
навсегда оставшаяся лишь с ним.

# **«Расскажи мне о тех местах, где блуждают цветные тени...»**

Расскажи мне о тех местах, где блуждают цветные тени,  
Где на злате лежит дракон, охлаждая тугой живот.  
Где поют королям в ночи морем свергнутые сирены,  
А в чащобе лесной колдун с золотой бородой живет.

Расскажи мне о тех местах, где нет зоны вайфай.  
И роуминг  
Не мешает читать стихи переплатами по часам.  
Расскажи мне о тех местах, что, наверно, не каждый  
помнит.  
Потому что, я вижу, в ночь ты все время блуждаешь там.

Там тебе открывает дверь королева в нарядном платье.  
И лицо ее – не мое. А красивее в сотни раз.  
И она, вопреки всему, заключает тебя в объятья.  
На лопатке блестит луна...

И, наверно, уж в сотый раз

Ты лежишь на моем плече и спокойно и ровно дышишь.  
В тесной комнате три на пять в свете люминесцентных  
ламп.  
А в твоей голове ветра воют марши в траве камышной.

Королева и светлый двор. И меня не бывает там.

Расскажи мне о тех местах, куда ты не даешь мне визу,  
Про темницу, где ты ее прячешь только себе во сласть.  
Расскажи мне в последний раз и прости за мои капризы.  
Просто страшно, что есть места, куда мне не дано  
попасть.

# Мне бы...

Мне летать бы с тобой во снах – до скончания дней.

Мне ловить бы твои слова на крючок ушей.

Да за плечи тебя держать до чужой весны

И в церквях утопать опять, чтобы Бог простил.

Мне б увидеть твою печать сквозь оковы лет,

Мне б коросты с ресниц содрать, отправляясь в свет.

И поглаживать чуть рукой твой тончайший шелк.

Мне бы вечность прожить с тобой. А потом еще.

Мне бы жить! Да дышать! Да петь! Да все ждать тебя.

Не бояться старуху-смерть, как теперь дождя.

Мне бы в прошлом оставить след и душевный хлам.

Убежать бы с тобой в рассвет. И остаться там.

Мне бы много бы от тебя – да совсем чуть-чуть.

Лишь бы дымом от табака да сквозь ребра в грудь.

Кораблем по волнам души да слезой со щек.

Мне бы вечность с тобой прожить. А потом еще.

# Рогоза

Рогоза не растет на святой земле,  
Привлекает ее лишь болота гниль.

В эту ночь он опять приходил ко мне  
И опять о печалах своих твердил.  
Он твердил, что готов обрести причал  
И расставить по полкам своих чертей.  
Он кричал, задыхался и вновь кричал.

В моем доме ночуя, он был ничей.

Он дарил мне букеты из рогозы,  
Презирай азалий тщеславный род.  
До крови зажимая клыком язык,  
Он твердил, задыхаясь, что все пройдет.

А потом засыпал, прижимаясь лбом  
К еле теплой печи. И ресниц крыла  
Под стрекочущим, еле живым огнем  
Чуть дрожали, как старая рогоза.

Я смотрела, как тает его печаль.  
И, казалось, я будто смогла помочь  
Обрести ему смысл и найти причал...

А потом он опять убирался прочь.

Он был вором, убийцей и подлецом,  
Осужденным навеки блуждать в потьмах.  
Только что-то скрывало его лицо,  
И раскаянье тело в стальных глазах.

Я лечила ранения рогозой  
После стрел правосудия в животе.  
Я хотела отправить его домой,  
А потом осознала, что он ничей.

«Почему ты верна остаешься мне?» —  
Поутру он однажды меня спросил.

«Рогоза не растет на святой земле.  
Привлекает ее лишь болота гниль».

## **«Ты смотришь на мир совершенно иначе...»**

Ты смотришь на мир совершенно иначе,  
Пуская его сквозь замерзшие пальцы.  
Как мокрый комочек, кошаче-незрячий,  
О помохи молишь прохожих скитальцев.

Мяучишь. Так жалобно. В самое сердце.  
И тычешься носом в холодные души.  
Ты ждешь одного: чтобы дали согреться  
На чьей-то груди, самой искренне-лучшей.

Ты смотришь на мир совершенно иначе:  
Наивно. Без стекол печально-тревожных.  
Мне так тебя жаль. Ты такой настоящий.  
А значит, навек  
обречен прослыть  
ложным.

# **Я постараюсь медленно**

Мы с декадансом ныне на брудершфт.  
Все, что осталось, – этот последний шаг.  
Я постараюсь медленно. Не спеша.

Дай ускоренье.  
Или же  
не мешай.

В этом саду давно не растут цветы.  
Помнишь, когда-то бабочки на листах?

После, напившись, жгли за собой мосты.  
После жалели, жадно вдыхали прах.

После лежали с предками под землей.  
Но просыпались, жадно глотали жизнь.

Помнишь?  
Ловили небо худой рукой  
И выбирали ложные виражи.

Помнишь, кололи иглы в сплетенье вен?

# **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.